

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Марина ЖИГУНОВА,
кандидат исторических наук

ГДЕ БАБЫ КОРОМЫСЛАМИ СОБОЛЕЙ БЬЮТ

В поисках лучшей доли и новой Родины

В начале XX века в результате столыпинских реформ Сибирь стала основным колонизационным районом Российской империи. Далёкие просторы манили романтической свободой и природными богатствами, но пугали неизведанностью, каторгой и ссылкой. Одновременно Сибирь представлялась залогом российского могущества, землёй, где, по словам ещё фонвизинского Скородума, можно доставать деньги, «не променявая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечество»¹. В народной среде бытовали представления, зафиксированные в поговорках: «В Сибири и на берёзах калачи растут», «Там хоть и холодно, да не голодно!», «В Сибири бабы коромыслами соболей бьют», «Страшна Сибирь слухом, а люди в ней лучше нашего живут».

Ниже на примере традиционно-бытовой культуры мы рассмотрим, как адаптировались столыпинские переселенцы в Западной Сибири, как на протяжении XX века протекал процесс их «осибирячивания». Поздние переселенцы помнили места своего исхода в Сибирь и осознанно называли себя витебскими, воронежскими, вятскими, курскими, могилёвскими, смоленскими, тамбовскими и так далее. Отметим, что поток переселенцев отличался не только существенным многообразием мест выхода, но и этническими и конфессиональными характеристиками. Разными были и названия отдельных переселенческих групп: новосёлы, новопоселенцы,

Женский комплект.

Интерьер избы переселенцев.

Плетёные ступни.

поселенчики, российские/расейские/расея/расейцы, самоходы, кацапы, хохлы, лапотны/лапотники и прочие. В качестве примера выберем Омскую область, которая может являться своеобразной этнокультурной моделью не только Сибири, но и всей России, поскольку её территория охватывает различные природно-географические зоны — от болот и тайги на севере, до лесостепи и степи на юге, и в формировании современного её населения приняли участие выходцы из различных губерний Европейской России и Урала, различные по своему этническому, сословному и конфессиональному составу.

Среди современных исследователей нет общепринятой временной границы, отделяющей сибирских старожилов от российских переселенцев. Если в ранних работах старожилами считали «первых поселенчиков» конца XVI–XVIII веков, то позднее верхняя хронологическая рамка начала смещаться до второй половины XIX столетия. Это обусловлено тем, что по мере проживания в Сибири бывшие переселенцы постепенно начинали осознавать себя сибиряками-старожилами. Переселенцами соответственно считали тех, кто переехал в Сибирь позднее, чем они, и относительно недавно. То же происходит и в наше время. Сегодняшние потомки столыпинских переселенцев в большинстве своём осознают себя сибиряками, а переселенцами считают недавних мигрантов середины-конца XX века.